

Расстрел в Черевкове

Щипин В.И.

В мае 1919 года по Сольвычегодскому уезду и всей Северо-Двинской губернии разнеслось известие о восстании и расстреле крестьян в селе Черевково.

Майскому выступлению черевковских крестьян предшествовал ряд событий, которые стали пружиной, приведшей в действие стихийное выступление жителей одной из богатейших волостей на берегах Северной Двины.

К весне 1919 года в Сольвычегодском уезде сложилось катастрофическое положение с зерном. Беды не обошли стороной и самую богатую в уезде Черевковскую волость. Нехватка рабочей силы, лошадей привели к тому, что засевалось не более 60-70% довоенных посевных площадей. К тому же в 1918 году из-за ранних заморозков по волости собрали зерна намного меньше, чем планировалось.

13 июня 1919 года, докладывая на 2-й уездной партконференции о положении в волости, делегат от Черевкова М.Я. Подойницын сообщил: «Продовольствия в волости хватит только до 23 июня»^[1]. На той же сольвычегодской партконференции было принято решение направить в ЦК РКП(б) и Совнарком телеграмму: «2-я уездная конференция РКП(б) констатирует катастрофическое положение в деле продовольствия. <...> Конференция обращается к Центральному Комитету партии и Совету Народных Комиссаров и заявляет, что если не будет оказана немедленно продовольственная помощь, уездная конференция слагает с себя всякую ответственность за дальнейшее, так как мы стоим перед фактом массового восстания»^[2].

Все это усугублялось введением в январе 1919 года продразверстки, в соответствии с ней каждый уезд, волость, деревня и отдельный крестьянский двор должны были сдать государству строго определенное количество зерна. При этом зачастую забирались не только излишки, но и семенное зерно, и хлеб, необходимый для пропитания.

К сказанному надо добавить так называемый чрезвычайный революционный единовременный налог, который предполагал подчас невыполнимое обложение зажиточной части крестьянства. Основная тяжесть налога легла на Черевковскую волость, как самую богатую в уезде, черевковцы должны были обеспечить поступление в казну 284 тыс. рублей. Это было в 2-3 раза больше по сравнению с Черевковской по населению Метлинской и Алексеевской волостям.

Но первоначальные задания по сбору налога в уезде выполнены не были, поэтому 7 мая 1919 года губернские власти существенно скорректировали план сбора чрезвычайного налога. Так, с Фоминской волости налог был снят полностью, с Ляхова сняли 62% первоначальной суммы, с Ракулки – 83%. В то же время Черевковской волости задание снизили всего-навсего на 500 рублей. В результате, если первоначально Черевково обязано было собрать около 10% всей суммы налога на уезд, то после корректировки – целых 16%!^[3]

На второй уездной партконференции РКП(б) уже упомянутый делегат от черевковской партиячейки М.Я. Подойницын выступал несколько раз. В своем втором выступлении он доложил: «Настроение населения было удовлетворительно, но действия Архангельской ГубЧК насчет хлеба и чрезвычайный налог отношение населения к партии обострили. Население смотрит на коммунистов как на врагов»^[4].

Сказывалось также и то, что Черевково находилось в прифронтовой полосе. Еще 7 сентября 1918 года волость объявили на осадном положении. Крестьяне постоянно отрывались от хозяйства для трудовой повинности: рытья окопов и строительства оборонительных сооружений в районе Верхней Тоймы и Ляхова. Крестьянские лошади были измучены гужевой повинностью, их то и дело привлекали для перевозки боеприпасов и продовольствия на фронт, эвакуации раненых в тыл и т.п. Пленарное заседание Сольвычегодского уездного исполкома и комитета партии отмечало: «Лошадей мало и они

измучены. Приходится переносить хлеб и другие грузы на собственных плечах и на большие расстояния. На почве недоедания – массовые желудочные заболевания»[5]. Исчезла существенная статья доходов значительной части населения – отхожие промыслы, так как крестьяне не имели права покидать пределы волости.

Помимо недальновидной и в целом порочной политики центральной власти по отношению к крестьянству обстановка усугублялась и действиями органов власти на местах. Граждан Черевкова волновали произвол и беззакония, чинившиеся в течение всего 1918 года волисполкомом, комитетами бедноты и недавно сформированной партячейкой. Конфискации и реквизиции коснулись сначала приходского причта и наиболее богатых крестьян: Гусевых, Пирогова, Заборского, Мокеевых, Попова, Пиликина и многих других. Произвол пытались остановить не только уездные власти, в дело по реквизиции домов братьев Гусевых вмешался даже народный комиссариат земледелия[6]. Однако, получив власть, люмпены не принимали во внимание никаких указаний сверху. К 1919 году на очереди стояли уже не зажиточные и середняки, продразверстка затрагивала даже тех, кого с полным основанием можно было отнести к категории бедняков.

Таким образом, к середине мая ситуация в Черевкове накалилась до предела. Осенью 1918 года семенной хлеб не был ссыпан в общие амбары, оставаясь на хранении у непосредственных хозяев. Сегодня можно было бы обвинить Черевковский волисполком в недальновидности, в том, что местные власти не задумались осенью о весеннем севе. Но на самом деле в этом как раз и виден дальний прицел – волостная администрация думала о себе, о своих родственниках и близких. В общественных амбарах с семенным хлебом может произойти что угодно, а хозяин его и сохранит, и при угрозе конфискации надежно спрячет. Недаром представитель политотдела Северо-Двинской флотилии В.В. Красильников отмечал 14 июня 1919 года: «Черевковская ячейка работала только для себя и своей волости. Это вторая Украина»[7].

Весной 1919 года было принято решение провести подворный учет хлеба и засыпать необходимую для сева часть в общие амбары для последующей выдачи нуждающимся, в первую очередь беднейшей части волости и семьям красноармейцев. По волости проходили бурные собрания граждан. Представители местной партячейки, специальные уполномоченные от уездных исполкома и комитета партии старались убедить население в необходимости принимаемых мер, добивались одобрения действий советской власти.

Первая попытка учета не дала результатов – крестьяне просто не допускали протряд к своим запасам. Через некоторое время – 15 мая – была сделана вторая попытка. На этот раз отпор был настолько решительным, что несколько членов комиссии были избиты, и местные власти арестовали наиболее бурно сопротивлявшихся дворохозяев.

Настроения были также подогреты появлением на реке у Черевкова нескольких барж – поползли слухи, что на них будет погружен и отправлен в Котлас хлеб, который власти пытаются ссыпать в общественные амбары под видом сохранения семенного фонда в интересах бедноты. Факт прибытия в Черевково барж подтверждал позже член Сольвычегодского уездного исполкома В. Давыдов, посланный в Черевково для расследования причин, приведших к беспорядкам[8].

И сегодня трудно определить, а зачем же именно в эти дни баржи появились у Черевкова. Может быть, действительно, для вывозки зерна, тем более что примеров изъятия последнего хлеба у крестьянства в 1919-1920 гг. более чем достаточно. Но есть и другие сведения. Так, А.И. Яковлев в своих воспоминаниях пишет о стоявших в его доме красноармейцах – артиллеристах Котласской тяжелой гаубичной батареи: «Весной 1919 года, погрузив батарею на баржи, солдаты выехали на фронт в Тулгас»[9]. Вполне вероятно, что баржи действительно были предназначены для переброски на фронт артиллерии. Поэтому вопрос, действительно ли планировалось вывезти зерно из Черевкова, до сих пор остается открытым.

Черевково бурлило. В Холмове (подалее от волостных властей) собрались недовольные холмовцы и черевковцы, сюда же прибыли крестьяне из Ляхова. По деревням

волости были посланы агитаторы, убеждавшие крестьян дружно выступить против изъятия хлеба и в защиту арестованных односельчан. Среди тех, кто горячо агитировал за выступление, были Михаил Андрианович Быданов, Андрей Михайлович Зубарев, Тимофей Иванович Орехов, Егор Федорович Хабаров[10]. Было составлено коллективное прошение об освобождении арестованных, но ответа не последовало. Вместо этого секретарь черевковской партячейки И.М. Зайков отправил в Сольвычегодск паническую телеграмму: «Сегодня [при] отчуждении семян население сделало открытое нападение [на] некоторых коммунистов, тяжело изранив. Остальные [в] опасности. Положение критическое, необходима помощь. Секретарь ячейки Зайков»[11].

16 мая утром, после тревожной ночи, толпа возбужденных крестьян двинулась из Холмова в Черевково с целью вновь заявить свои требования и потребовать освобождения арестованных. Впереди толпы реял белый флаг. Позже власти квалифицировали этот флаг как символ контрреволюции, Белого движения, призыв к восстанию: «...впереди шествовавшей толпы развевался белый флаг. Что это? Самое определенное белогвардейское восстание, детище кулаков и международных разбойников»[12]. На самом деле представляется, что белым флагом крестьяне демонстрировали желание вступить в переговоры и отсутствие при них оружия. Ни один из известных официальных источников не подтверждает факта, что крестьяне были вооружены. Поэтому совершенно неправдоподобной выглядит официальная версия, согласно которой *безоружные* крестьяне шли громить волостной комитет и захватывать телеграф (учитывая наличие в Черевкове достаточно сильного гарнизона). Но именно так в секретном донесении командующий Северо-Двинской речной флотилией К.И. Пронский информировал командира 3-й бригады М.С. Филипповского о подавлении восстания в Черевкове: «По выяснении, что толпа намерена в 7 час. сделать погром Совета и занять телеграф, командир батальона с отрядом 150 человек немедленно прибыл на место предполагаемого восстания»[13].

Неспокойную ночь провели и черевковские власти. Наутро командир гаубичной батареи привел в полную боевую готовность красноармейцев своего подразделения, дислоцированного в Черевкове, и вывел их к зданию волостного исполкома. Здесь к ним присоединились вооруженные члены партячейки и местная милиция. В резерве оставалась 24-я маршевая рота, следовавшая на фронт. Получив сведения, что толпа крестьян движется от Холмова в сторону Черевкова, солдаты, милиция и коммунисты направились им навстречу. Противники столкнулись у домов, год назад реквизированных у купцов Гусевых. К возбужденным крестьянам на коне подъехал работник волисполкома А.Н. Русаков и попытался убедить их, что советская власть к ним претензий не имеет, что они спровоцированы кулачеством. В ответ полетели камни, несколько человек попытались стащить его с лошади, но Русакову удалось вырваться и отъехать под прикрытие вооруженных солдат[14].

Вновь прозвучало требование разойтись по домам. Но толпу остановить было уже невозможно. Тогда последовал предупредительный винтовочный залп в воздух, а после был открыт огонь по толпе. Люди бросились врассыпную, а на дороге осталось лежать пять тел, несколько человек было ранено. По горячим следам было арестовано 18 человек[15].

Но дело этим не закончилось. В ночь с 15 на 16 мая Сольвычегодский уездный комитет РКП(б) обратился к командиру 3-й бригады, дислоцированной в Котласе, с просьбой принять меры в соответствии с полученными сведениями о волнениях в Черевкове.

16 мая, утром, командующий Северо-Двинской речной флотилией издал приказ № 16, гласивший:

«Согласно приказанию комбрига-3 тов. Филипповского приказываю:

коменданту сторожевого судна «Робеспьер» срочно принять 500 шт. снарядов, 4 пулемета с соответствующим количеством к ним лент, приняв 150 человек моряков 1-го Морского батальона под руководством командира означенного батальона т. Корнильцева, сняться с якоря и следовать к месту восстания в дер. Черевково, где не останавливаясь ни перед какими мерами, подавить восстание и восстановить надлежащий порядок.

О ходе подавления восстания и восстановления надлежащего революционного порядка сообщать комбригу и мне.

Политическому отделу взять двух представителей из юридического отдела на пароход «Смелый», сняться с якоря и следовать за сторожевым судном «Робеспьер» к месту восстания, где принять соответствующие меры как политического, так и юридического характера.

По ликвидации восстания всех виновных арестовать и представить в штаб для привлечения их к ответственности по законам революционного времени.

Командующий флотилией Пронский

Начальник штаба М. Степанов»[16].

О том, что военное и партийное руководство Котласского боевого района и Сольвычегодского уезда придавало выступлению черевковских крестьян самое серьезное значение, можно судить не только по количеству привлеченных сил и средств, но и по составу руководящих работников, привлеченных к участию в карательной экспедиции. Так, на пароходе «Смелый» в Черевково отправились начальник политотдела флотилии Э.И. Батис в сопровождении нескольких агитаторов, председатель Сольвычегодского уездного комитета партии С.И. Шивринский, он же по совместительству член губернского Ревтрибунала, следователи юридического отдела штаба Котласского района. К отряду присоединился и печально известный в 1918-1919 гг. по всей Северной Двине пароход «Светлана», на котором размещалась вся Архангельская губЧК, во главе с наводившим ужас на население прифронтовой зоны чекистом Педо.

17 мая в четыре часа утра карательный отряд прибыл в Черевково. Вся волость была объявлена на осадном положении. Работники политотдела флотилии приступили к агитации среди населения, а следственная комиссия занялась арестами виновников.

Уже в тот же день прибывшим из Котласа стало ясно, что местные власти серьезно преувеличили опасность выступления, поэтому в Вологду, в штаб 6-й Армии, и в Котлас отправились телеграммы, успокаивающие командование: «В Черевкове спокойно. Положение было преувеличено местными органами. Происходили кулацкие волнения против проддекрета. Причем беднота спровоцирована нелепыми слухами и привлечена угрозами кулаков. Была стычка. Убитых 5 крестьян. 2 члена исполкома тяжело избиты и несколько крестьян легко ранено. Много арестованных, аресты продолжаются. Ведется следствие. Дело взято в руки фронтовой экспедиции. Белогвардейской конспирации не чувствуется. Приступаем к агитации»[17]. Это же подтверждает и донесение командующего Северо-Двинской флотилией комбригу-3: «Восстание волости с населением около 11 000 человек заключалось в том, что был выброшен белый флаг, агитация кулаков против Советов и избавления от коммунистов. Восставшими был серьезно избит председатель Совета, а также один сочувствующий...»[18]

18 мая по инициативе и при активном участии руководящих работников уездного комитета партии и политотдела Северо-Двинской флотилии был созван и проведен 5-й внеочередной съезд Советов Черевковской волости. Он полностью переизбрал исполнительный комитет волостного Совета. Председателем волисполкома стал уроженец Черевкова И.Н. Зиновьев[19], известный далеко за пределами волости как активный организатор новой власти после Февральской революции. Он был отозван из Великого Устюга, где занимал должность заместителя завотделом внутреннего управления губисполкома. Участники съезда приняли покаянную резолюцию: «Мы, крестьяне 5-го съезда, приветствуем нашу власть бедняков и соболезуем, что попали под неблагоприятную агитацию противников советской власти, которая привела нас к неблагоприятным последствиям...»[20]

19-22 мая были проведены митинги во всех участках волости и в 24-й маршевой роте. Каялись крестьяне Холмова, против которых было возведено основное обвинение по организации волнений: «...заслушав представителей от политотдела Северо-Двинской

флотилии, которые обрисовали нам положение хода революционных движений в мировом масштабе, а также и положение на наших фронтах, выносим следующую резолюцию:

Приветствуем нашу рабоче-крестьянскую власть, приветствуем нашего великого вождя тов. Ленина, который нам показал правильный путь к освобождению от ига капиталистов. Мы во всеуслышание заявляем, что необходимо весь излишек хлеба, имеющийся у кулаков, отобрать и распределить по равной части между неимущими...»[21]

Агитаторы политотдела, следственная комиссия и чекисты работали в Черевкове до 24 мая. Начальник политотдела Северо-Двинской флотилии с удовлетворением докладывал командованию 6-й Армии: «В Черевкове волнения ликвидированы. Политотдел работал в волости 2 дня. Оставлены агитаторы с правом контроля и реорганизации. Исполком переизбран при участии политотдела. Туда вошло несколько середняков. Настроение трезвое, будущее обеспечено»[22].

Арестованные зачинщики были погружены в трюм парохода «Светлана» и вывезены в Котлас. Среди арестованных были уже упоминавшиеся Быданов, Зубарев, Орехов, Хабаров, а также Александр Васильевич Алсуфьев, Иван Васильевич Комшин, Александр Васильевич Комшин, Егор Николаевич Макаров, Семен Иванович Морозов, Егор Сергеевич Пиликин, Андрей Васильевич Питухин, Александр Федорович Шиловский [23], а также многие другие. Трое из них, признанные организаторами восстания, были расстреляны[24], в их числе Т.И. Орехов[25]. Каратели, по всей видимости, действовали чрезмерно жестко. Потому на состоявшемся в Сольвычегодске 6 июня объединенном пленуме уездных исполкома и комитета партии в адрес председателя уездного комитета партии и члена Ревтрибунала С.И. Шивринского (он лично руководил арестами и следствием) прозвучала острая критика по поводу его действий. Шивринский даже попытался взять самоотвод при выдвижении его на очередной партконференции в члены уездного комитета РКП(б)[26].

При анализе причин, приведших к выступлению черевковских крестьян, официальные власти все же вынуждены были признать, что в отношении граждан Черевковской волости было допущено много несправедливостей. Так, докладывая в политотдел 6-й Армии о ликвидации беспорядков, Э.И. Батис констатировал: «Раньше было сделано очень много неправильных реквизиций, конфискаций, налогов, контрибуций, которые вызвали постепенно недовольство»[27].

Партийное и советское руководство уезда, а также командование Котласского боевого района надолго запомнили мятежную волость и негласно мстили ей. Поступивший из Центра в уезд в июле 1919 года хлеб для нуждающихся власти распределили так: Ляховской и Ракульской волостям – по 30 пудов, Фоминской – 35 пудов, Черевковской – ничего.[28] Вспомним уже цитировавшееся выше выступление на уездной партконференции делегата от Черевковской партиячейки, в котором говорилось, что хлеба в волости хватит только до 23 июня!

В декабре уездный продовольственный комиссар утвердил объемы обязательных поставок хлеба. Всего в уезде должно было быть изъято 53 019 пудов. Из них в Черевковской волости – 10 203 пуда, то есть 20% всего количества. Причем количество изымаемого хлеба составляло 1 пуд с одного человека, проживающего в волости. Поставки соседних волостей разительно отличались от этих цифр: с Ляхова уезд требовал по 0,72 пуда с человека, с Фоминской – только по 0,2 пуда, а Ракульскую волость вообще освободили от обязательных поставок. А что же вы хотите – «бывшее осиное гнездо купцов и всевозможного рода спекулянтов, уголок богатеев-крестьян, недаром называемый «второй Украиной»», как писал товарищ Батис.

В заключение следует сказать о причинах применения командованием Красной армии сил для подавления волнений в Черевкове, совершенно неадекватных их масштабам. Почему против безоружных крестьян были посланы: сторожевое судно, вооруженное 37-мм пушкой Маклен и 500 снарядами к ней; четыре пулемета; 150 матросов 1-го Морского батальона?

Если к этому добавить тяжелую гаубичную батарею и не менее 200 красноармейцев 24-й маршевой роты, в то время находившихся в Черевкове, то получается полноценный

пехотный батальон, усиленный тяжелой артиллерией. Таких сил вполне хватало даже для удержания оборонительного рубежа в районе Ляхова в случае гипотетического прорыва к Черевкову белогвардейцев.

Именно в этом и кроется основная причина посылки в Черевково вооруженного до зубов карательного отряда. Командование 6-й Армии красных знало о готовящемся весной-летом 1919 года наступлении в направлении на Котлас белогвардейцев генерала Миллера и интервентов. Их основной задачей был выход на соединение с войсками Колчака, наступавшими с востока. Красноармейское командование было серьезно обеспокоено фактом встречи передового отряда белогвардейцев Северного фронта с колчаковцами на средней Печоре. Так, белогвардейские газеты в Архангельске писали: «Командующий русскими войсками Мезенско-Печорского района генерал-майор Шапошников доносит: “Получено донесение, что отряд, посланный капитаном Алашевым 21 марта с.г., соединился с сибиряками у села Усть-Кожва. Все по Печоре и дальше на Пермь чисто. Подробности доклада дополнительно. Генерал Шапошников.”»^[29]. Соединение белогвардейских фронтов по средней Печоре было единственным событием подобного рода в истории российской гражданской войны.

В этих условиях неожиданный очаг сопротивления в Черевкове, на прямом направлении, выводящем к Котласу, рассматривался как смертельная угроза не просто положению красных войск на Севере, а важнейшим фактором, который мог изменить всю стратегическую обстановку в пользу белых. Возможные удары белых с Печоры и Двины по сходящимся направлениям на Котлас открыли бы путь на Вятку и Пермь навстречу Колчаку с одной стороны и на Вологду – с другой.

Таким образом, волнения в Черевкове, малозаметные на фоне бурных событий гражданской войны, неожиданно могли стать прелюдией к радикальному повороту в судьбе советской власти на огромных просторах России. Решительные и жесткие меры, предпринятые командованием Котласского боевого района принесли свои результаты. Это было последнее крестьянское выступление против советской власти на территории нынешних Верхнетоемского, Котласского и Красноборского районов Архангельской области.

Источники

Архив УФСБ по Архангельской обл. Арх.№ П-9569.

Архив УФСБ по Архангельской обл. Арх.№ П-19104.

ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 131. Св. 135.

ГААО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 3.

ГААО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 5.

ГААО. Ф. 169. Оп. 2. Д. 57.

ГААО. ОСПИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1.

КИМХМ. Колтакова К.П. Черевковская парторганизация. Рукопись.

РГА ВМФ. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 198.

РГА ВМФ. Ф. Р-136. Оп. 2. Д. 21.

РГА ВМФ. Ф. Р-136. Оп. 3. Д. 305.

ЧФ КИМХМ. № 2286. Подойницын В.И. Воспоминания о Черевковской комсомолки двадцатых годов. О друзьях, о товарищах, о себе.

ЧФ КИМХМ. Яковлев А.И. Воспоминания. Рукопись.

Библиография

Борьба бедноты. № 97 от 10.05.1919, № 112 от 28.05.1919.

Голос бедняка. № 22 от 16.03.1919, № 45 от 5.06.1919, № 46 от 8.06.1919, № 49 от 19.06.1919, № 54 от 6.07.1919, № 56 от 17.07.1919, № 57 от 20.07.1919, № 58 от 24.07.1919, № 61 от 3.08.1919, № 78 от 9.10.1919.

Знамя. № 2 от 17.01.1998.

Карпов И.С. По волнам житейского моря. Воспоминания. Красноборск, 2004.

Правда Севера. № 123 от 3.07.2008.

Северное утро. 26.03.1919.

Тупицын С.И. Расстрел в Черевкове // Важская область. № 5. Шенкурск, 1992.

Интернет-ресурсы

Сайт «Возвращенные имена» <http://www.visz.nlr.ru/>

Сайт «Репрессии в РККА»: <http://www.rkka.ru/handbook/personal/repress/kap2r.htm>

Сайт «Хронос»: <http://www.hrono.info/statii/2007/ship2yakov.html#VI>

Сокращения

ВОАНПИ — Вологодский областной архив новейшей политической истории.

ГААО ОСПИ — Государственный архив Архангельской области, отдел социально-политической истории.

КИМХМ — Красноборский историко-мемориальный и художественный музей им. С.И.Тупицына

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота (СПб).

ЧФ КИМХМ — Черевковский филиал Красноборского историко-мемориального и художественного музея им. С.И.Тупицына.

[1] Голос бедняка. № 57 от 20.07.1919.

[2] ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 131. Св. 135. Л. 69-69 об.

[3] Голос бедняка. № 56 от 17.07.1919.

[4] Голос бедняка. № 58 от 24.07.1919.

[5] Голос бедняка. № 49 от 19.06.1919.

[6] ГААО. Ф. 169. Оп. 2. Д. 57. Л. 14-16, 20-22, 35, 39-41.

[7] Голос бедняка. № 58 от 24.07.1919.

[8] Голос бедняка. № 46 от 8.06.1919.

[9] ЧФ КИМХМ. Яковлев А.И. Воспоминания. Рукопись. Л. 28.

[10] Архив УФСБ по Архангельской обл. Арх.№ П-9569. Л. 9 об.

[11] ГААО. ОСПИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1. Л. 166

[12] Борьба бедноты. № 112 от 28.05.1919.

[13] РГА ВМФ. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 198. Л. 56.

[14] ЧФ КИМХМ. № 2286. Подойницын В.И. Воспоминания о Черевковской комсомолки двадцатых годов.

О друзьях, о товарищах, о себе. Л. 23.

[15] Голос бедняка. № 58 от 24.07.1919.

[16] РГА ВМФ. Ф. Р-136. Оп. 3. Д. 305. Л. 477.

[17] РГА ВМФ. Ф. Р-136. Оп. 2. Д. 21. Л. 24.

[18] РГА ВМФ. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 198. Л. 56.

[19] Архив УФСБ по Архангельской обл. Арх.№ П-19104. Л. 17-17 об.

[20] Голос бедняка. № 45 от 5.06.1919.

[21] Голос бедняка. № 46 от 8.06.1919.

[22] РГА ВМФ. Ф. Р-136. Оп. 2. Д. 21. Л. 35 об.

[23] Архив УФСБ по Архангельской обл. Арх.№ П-9569. Л. 1, 5 об., 9 об., 10 об., 13.

[24] Пономарев В.А. История Черевковской волости. Архангельск, 2002. С. 96.

[25] Архив УФСБ по Архангельской обл. Арх.№ П-9569. Л. 10 об.

[26] Голос бедняка. № 61 от 3.08.1919.

[27] РГА ВМФ. Ф. Р-136. Оп. 2. Д. 21. Л. 36.

[28] Голос бедняка. № 54 от 6.07.1919.

[29] Северное утро от 26.03.1919.